
Малое
собрание
сочинений

Владислав
КРАПИВИН

Малое
собрание
сочинений

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
К 77

Серийное оформление Ильи Кучмы

Оформление обложки Виктории Манацковой

В оформлении обложки использована фотография
работы Станислава Белоглазова

ISBN 978-5-389-16038-5

© В. П. Крапивин, 2019
© С. С. Белоглазов, фото, 2019
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Та сторона,
где ветер

С первым ветром проснется компас.

А. С. Грин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АВГУСТ

Ночью грянул норд-вест. Он ударил так, что несколько шиферных плиток сорвались с крыши и застучали о деревянное крыльцо. Застонали расшатанные ворота. Потом, когда первая волна ветра ушла и он сделался ровнее, Владик услышал гудение проводов. Они дрожали в потоках воздуха, как басовые струны, и низкий звук их проникал сквозь шум ближних деревьев и беспорядочное, как перестрелка, хлопанье калиток.

Владику захотелось подняться на чердак и проверить стрелку флюгера. Но он побоялся разбудить отца. Ведь отец обязательно проснется от осторожных Владькиных шагов. Нет, пусть уж спит, он и так лег совсем недавно. Владик еще слышал неостывший запах обуглившейся газеты, которой отец прикрывал лампу, когда сидел над чертежами.

Владик нащупал упавшее на пол одеяло, натянул его до подбородка и стал медленно засыпать под шум тополей и гудение проводов. «Циклон с северо-запада», — подумал он сквозь дремоту. Сейчас он уже и без флюгера знал, с какой стороны пришел ветер.

Темнота, словно стены черной палатки, вздрагивала под ветром. И вот наконец он пробил ее, рассыпав редкие оранжевые искры. Они выросли, превратились в яркие шары с пушистыми лучами и заплясали вокруг Владика, разрывая темноту на клочья. Так всегда начинался самый хороший сон.

Но сейчас в него вмешалось что-то чужое и недоброе.

Откуда-то из глубины донеслись шаркающие шаги тетки. «Приехала уже! — недовольно подумал Владик. — И ко-

гда успела?» Медленно и скрипуче тетка заговорила изда-дека:

— Продырявил крышу-то. Навтыкал всяких палок. Все не как у людей! У других-то уж, если не дал Господь...

— Чего не дал? — поднимаясь, тихо спросил Владик и почувствовал, как от обиды и злости холодеет лицо.

Тетка замахала руками и стала быстро уменьшаться, словно таять.

— «Господь»... — сквозь зубы сказал Владик.

Но маленькие оранжевые солнца снова закружились перед ним, сливаясь в яркие полосы, и темнота рассеялась совсем. Владiku снилось, что кругом уже день и, как зеленые костры, полыхают на ветру деревья...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О том, что Генка три дня подряд не ходил на занятия по английскому языку, отец узнал случайно, перед самым отъездом. Сгоряча он закатил сыну такую затрещину, что у того даже зачесалось в носу. Генка отскочил в угол, прижался спиной к стене и приготовился крикнуть, что пусть хоть убьют, а толку все равно не будет, потому что...

Но отец слушать не стал. Рванул с вешалки дождевик, вскинул на плечо рюкзак и шагнул за дверь, сказав на прощанье:

— Не перейдешь в шестой — шкуру спущу!

Мать посмотрела на Генку долгим взглядом, вздохнула и пошла провожать отца. Хлопнула дверь.

Генка стер со щеки слезу, пнул табуретку и, сев на подоконник, стал грызть ногти в злом раздумье.

За «шкуру» он не боялся. Отец вернется только в октябре, а тогда уже будет поздно шуметь, если Генка и останется на второй год. А в том, что он останется, Генка был уверен. К этой мысли он привык, и мучило его другое: надо было каждое утро таскаться в школу, где худая и раздражительная «англичанка» Вера Генриховна пыталась вдолбить в голову Генке и еще не-

скольким неудачникам то, что они не смогли выучить за весь учебный год.

Генка передернул плечами. Он вспомнил гулкие ступени пустых школьных лестниц, перевернутые парты у стен, тяжелые шаги маляров, таскавших стремянки по забрызганным известковыми звездами коридорам, и пыльные окна класса. Класс казался теперь очень большим, потому что в нем осталось только четыре парты, остальные вынесли ремонтировать. Генка сидел там на крайней парте, у стены, и тоскливо слушал, как Вера Генриховна с расстановкой произносит:

— Пора понять: до решающей контрольной осталось не больше трех недель.

Для большей убедительности она слегка нажимала на «р»: «Порра... ррешающей контррольной... тррех...» Потом она поворачивалась к треснувшей порыжевшей доске и брала мел. Из-под мела сыпался белый порошок. На доске появлялись английские слова. Те слова, которые читались вовсе не так, как были написаны, и которые нельзя выговорить, не вывихнув язык.

Генка разглядывал седоватый узел волос на затылке «англичанки», уныло грыз ручку, и постепенно в него заползали тоска и безнадежность.

Так проходили два часа. Они все-таки кончались, несмотря на свою бесконечность, и Генка выходил на улицу, где в тополях и кленах посвистывал ветер августа. И в листьях плясало солнце. Но день был испорчен, потому что до вечера сидело в Генке это чувство безнадежности, едкое, как запах сырой извести в пустых коридорах...

А ветер шумел и сейчас, качал в палисаднике ветки сирени. Но Генка не радовался ветру. Он сидел и злился на весь белый свет. Злость бывает разная. Иногда рассердишься, и будто сил прибавится, а иногда наоборот: приходит злость беспомощная, такая, что даже кулаки сжать как следует не хватает силенок. Только сидишь и смотришь на все кругом из-под насупленных бровей. И хорошо еще, если есть что насупить. А если вместо бровей чуть заметные полоски редких рыжеватых волосков? Генка с отвращением глянул в зеркало на дверце облезлого гардероба. Но лица не увидел. В отраженном солнечном окне

рисовался только темный Генкин силуэт — зябко сведенные плечи, круглые, чуть оттопыренные уши, торчащие вверх сосульки волос. Впрочем, Генка и без зеркала отлично помнил свое лицо — скуластое, толстогубое, с широко посаженными глазами, со вздернутым носом и пояском желтых веснушек, протянувшимся через переносицу. «Самый подходящий портрет для второгодника», — подумал он даже со злорадством.

Его злило все: шуршание ветра, хлопанье форточки, дребезжащая музыка приемника. Генка спрыгнул на пол. Со звоном закрыл форточку. Рванул штепсель. С кухни доносилось звяканье тарелок и погромыхиванье кастрюль: бабушка мыла посуду. Генка приоткрыл дверь и просунул голову:

— Чем каждой тарелкой греметь, взяла бы лучше все сразу да об пол!..

— Уехал отец-то, — печально сказала бабушка. — Оставил природа на погибель нашу. Не будет сладу.

— Не будет, — мрачно согласился Генка.

Вернулся в комнату и снова залез на подоконник. Прямо в ботинках — на чисто вымытый подоконник.

Опять заюлила беспокойная мысль: «Что делать, что делать?» Нет, ну в самом деле, что же делать? Вот были бы такие таблетки, чтобы принять их и сразу уснуть на три недели! Лишь бы не ходить в пустой, пахнущий известкой класс, не слышать унылое поскрипывание мела. Спать и ничего не чувствовать. Даже не жалко августа и ветров. Лишь бы кончилось все скорее! Ну и пусть он будет второгодник. Второгодники разве не люди?

Мать, когда узнает, схватит, конечно, Генку за воротник, закричит и начнет колотить его сухим кулачком по спине. Это не страшно. Хуже, если она не станет колотить, а просто опустит руки и заплачет. Слезы у нее крупные и медленные. Они стекают по тонким морщинкам на щеках, падают с худого подбородка и застревают в зеленых ворсинках потертой шерстяной кофточки. Генка не может смотреть на это... А бабушка обязательно будет стоять рядом и тихо говорить:

— Ведь учил отец-то его, нехристь окаянную: старайся ты, будь человеком. Не хочет, лодырь бессовестный!

Не хочет! Да он просто не может. Ну нет способностей. Вот на музыканта, например, ни одного человека не станут учить, если нет у него совсем таланта. А если нет никакого таланта, чтобы учить английский язык?

«Будь человеком». А разве обязательно знать английский, чтобы стать человеком? «Будь»! А почему «будь»? А сейчас он разве не человек?..

Вдруг знакомый звук перебил невеселые Генкины мысли. Словно неподалеку сыпали на сухие доски горох. Но, конечно, никакого гороха не было. Это мчался куда-то восьмилетний малыш Илька — щелкали по асфальту его сандалии.

Генка усмехнулся. Вспомнил, как недавно Илькина мать вертела в руках сандалию с протертой насквозь подошвой и сокрушалась:

— Хоть верьте, хоть нет — за это лето уже третья пара. Просто горят у него на ногах.

Рядом стояли соседки и сочувственно качали головами: горят. Илька тоже стоял рядом, поджав босую ногу. Он поглядывал на дыру в подошве и безнадежным голосом спрашивал:

— Ну можно буду босиком бегать? Ну можно, мам?

— Еще чего! Я вот покажу тебе «босиком»! Пропорешь ногу да получишь столбняк... Чтобы прививку сделать, тебя ведь арканом не затащишь.

Илькина мама была врачом детской поликлиники и разбиралась в таких вещах, как столбняк.

Сейчас Илька, судя по звонкому щелканью, бегал в новых, четвертых по счету, сандалиях. Хватит ли до осени? Кто знает! Не зря у Ильки такое прозвище — Гонец. Если надо что-то передать, куда-то сбегать, Илька мигом! Только попросите. Он готов куда угодно. Хоть за пять кварталов, хоть за десять. Потому что это же здорово — лететь по улицам быстрее всех и так, чтобы ветер навстречу!

Генка сразу представил: мчится Гонец — мелькают коричневые ноги, как спицы в колесе старой бабушкиной прялки. Короткий Илькин чубчик торчком встает надо лбом от встречного ветра. И расстегнутая рубашка-распашонка трепещет за спиной, будто маленький плащ.

Если щелкают Илькины подошвы, значит что-то случилось, значит есть какая-то новость!

И вот все ближе: та-та-та-та-та... Истошно завопили у соседней подворотни перепуганные куры. Илька с размаху остановился у палисадника. Встал на цыпочки, навалился голым животом на острые рейки. Головой раздвинул ветки.

— Ген... — тяжело дыша, сказал он. Длинные ресницы вздрагивали над его темными встревоженными глазами.

— Ну?

— Гена... Он опять поднялся. Белый...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Август — месяц ветров. Широкой полосой движутся они с северо-запада, и над городом начинают шуметь старые тополя. Хлопают незапертые калитки, во дворах летит с веревок мокрое белье. А на реке над трубами буксиров рвется в клочья черный дым и полощут на мачтах флаги. В синеве, чисто вымытой ветрами, бегут маленькие желтые облака.

А под облаками, вздрагивая в потоках воздуха, стоят разноцветные квадратики воздушных змеев.

...Петька Лимон, который когда-то запустил к самым тучам «Синего демона» и стал первым флагманом змеевиков, теперь уже совсем не Петька, а Петр Лиманов. И живет не на западной окраине, а на другом конце города, в новом заводском поселке, и работает мастером литейного цеха. А «Синий демон» стал легендой. Но каждый год в августе, когда приходят свежие ровные ветры, поднимаются с невысоких крыш Берегового поселка пестрые летуны с мочальными хвостами.

Перечеркнутый крест-накрест тонкими планками змей похож на большой почтовый конверт. Так их и называют — «конверты». Но есть еще у каждого «конверта» свое имя. Лучше всех знает эти имена Илька. Если его поймать на улице, он охотно остановится на полминутки, запрокинет голову и, протянув в небо ладонь, pošлет звучные названия: «Леонардо»,

«Желтый щит», «Василек» (это уж, конечно, девчонки выдумали), «Битанго», «Восток-203» (это для запаса такая цифрища), «Гагаринец»...

Илька знает их все. Даже по звуку трещотки может определить, какой змей сейчас у него над головой. Нет, в самом деле может. Можно даже закрыть ему глаза, и пусть кто-нибудь неподалеку поднимет свой «конверт» — Илька сразу угадает... Но своего змея у Ильки нет. Есть только мечта. Мечта о большом и легком «конверте», о таком, который при самом слабом ветре уходит из рук в небо, как на крыльях, и не падает никогда...

Бывает, что «конверты» падают. Если змей оборван порывом ветра, это еще полбеды: «конверт» подберут и отдадут хозяину. Хуже, если змея сбили голубятники. Они пираты. Они придумали, что воздушные змеи пугают голубей. И еще придумали закидушки. Это два камня и шпагат. Когда змей в воздухе, нить к нему от крыши тянется не прямо: она провисает и, прежде чем уйти вверх, проходит невысоко над землей. Здесь ее и заарканивают закидушками голубятники.

Прихватив добычу, они мчатся домой и по привычке ждут выкупа. Не дождавшись, они выходят на улицу. Здесь их ловят и колотят. Таков закон.

Ветры и небо сдружили мальчишек-змеевиков. С утра до вечера бегут вверх по ниткам пестрые клочки бумажных «телеграмм». Это хозяева «конвертов» ведут разговор. Нехитрую воздушную азбуку понимают все, даже Илька, хотя и с обыкновенным-то чтением он познакомился всего год назад. А чего тут не понимать? Обыкновенная азбука Морзе: белая «телеграмма» — точка, черная — тире. А разноцветные клочки — это позывные. У каждого свои. У Генкиного «Кондора», например, два зеленых. Так его всегда и вызывают для беседы или для отпора голубятникам.

И есть такое правило: как появится в небе новый змей, он должен дать свои позывные. А как же иначе? Небо одно, и все в нем должны знать друг друга.

Большой белый змей появился вчера. Словно квадратная луна, взошел он из-за тополей на улице Чайковского и поднялся выше всех. Он не дал позывных и не ответил на сигналы.

Шурик Черемховский стоял, прислонившись к забору, грыз сухой стебелек и смотрел вверх. Белый квадратик змея неподвижно висел в зените. Светлая нитка, почти неразличимая в синеве, уходила от него за тополя. Небо сейчас было почти пустым. Пестрые «конверты», словно стесняясь белого незнакомца, потянулись к своим крышам, исчезли. Только над соседним кварталом невысоко маячил голубой «Василек» Надьки Колпаковой да над зеленой крышей Тольки Селькупова трепыхался, пытаясь взлететь, неуклюжий «Погонщик туч».

Белый змей шевельнулся. Было заметно, что он взял еще несколько метров высоты. И снова замер.

— Возможно, он нас не понял, — сказал Шурик, не разжимая зубов, чтобы не выпустить травинку. Стебелек дернулся вверх и вниз, словно стрелка чуткого прибора.

— Чего? — откликнулся с забора Яшка Воробей.

Он сидел на корточках, примостившись на срезе шаткого столба. Сидел и тоже смотрел вверх похожими на темные блестящие кнопки глазами. Не отрывая глаз от змея, он повторил:

— Чего не понял?

— Сигналов, — сказал Шурик.

— Ха! Все понимают, а он неграмотный, значит? Спросил бы, научили бы...

Шурик пожал плечами и выплюнул стебелек.

Щелканье подошв рассыпалось за углом. И вылетел Илька.

Не сбавляя скорости, словно конькобежец, он описал крутую дугу и, чтобы остановиться, с разбегу уперся ладонями в забор. Доски и столб закачались. Закачался и Яшка, смешно размахивая тонкими руками. Не удержался и прыгнул, отбил пятки об асфальт. Замахнулся острым кулачком на Ильку:

— Козел бешеный! Тормоза не держат, что ли? Как тресну!

Илька ловко присел.

— Оставь его в покое, — сказал Шурик. И спросил у Ильки: — Узнал?

— Про что?

Шурик движением бровей указал вверх:

— Чей он?

Илька заморгал.

— Я не знаю...

— А-а... — разочарованно протянул Шурик. — Я думал, ты узнавать бегал.

— Я еще вчера бегал, — сказал Илька немного виновато. — Но там, на Якорной, сидят Витька и Серега Ковалевы. А на улице Чехова еще какие-то голубятники. Но они ведь тоже, наверно, знают про катапульту. Им теперь только попадись. Да, Яшка?

— Еще бы, — усмехнулся Воробей, и его треугольное личико даже сделалось круглее.

— А ты при чем? — сказал Ильке Шурик. — Ты в этой истории ведь не участвовал.

— Будут они разбираться! — сказал Воробей.

Илька потоптался, вздохнул и показал на змея:

— Знаете что? Вот, по-моему, он это нарочно, вот и все.

— Кто? — рассеянно спросил Шурик. Он что-то обдумывал и опять жевал травинку.

— Тот, кто его запустил, — объяснил Илька. — Вон он где! Выше всех. Вот он и думает: раз выше, значит плевать на всех.

Яшка скривил маленький рот:

— Гляди-ка ты, «выше»! У меня «Шмель» еще выше поднимался.

— Ух и врешь! — изумился Илька.

— И, кроме того, твой «Шмель» упал, — заметил Шурик.

Яшка понял, что перегнул. Но ни ссориться, ни стукать по шее Ильку не хотелось. Белый «конверт» висел в небе, как насмешка над всеми змеевиками.

— Генкин «Кондор» все равно поднимется выше, — твердо заявил Яшка.

— Он может, — согласился Шурик. — Но Генки нет.

Илька открыл рот, но сказать ничего не успел. Сказал Воробей:

— Генка теперь злой. С английским у него дело — гроб. Увяз.

— А он и не старался выкарабкаться, — спокойно произнес Шурик.

Яшка уставился на него колючими глазами:

— «Не старался!» А ты знаешь? А чего стараться, если все равно бесполезно! Если человек не может!

Шурик согласился:

— Может быть. Я не знаю, я учу немецкий. Он, говорят, легче.

— У разных людей голова по-разному устроена, — задумчиво произнес Яшка. — У одного языки учатся хорошо, а у другого никак. У Галки, у моей сестры, в медицинском институте английский язык да еще латинский, на котором рецепты выписывают. И она хоть бы что. А я в этот латинский заглянул — ну ни капельки не понятно.

Шурик пожал плечами:

— А ты сразу понять хотел? Ты хоть латинские буквы знаешь?

— Знаю. «Рэ» — как «я», только наоборот. «Лэ» — как «гэ» вниз головой. «И» — палка с точкой.

— Сам ты палка с точкой, — вздохнул Шурик.

Яшка снова задрал голову. Белый «конвертик» стоял в небе не двигаясь.

— Даже не дрогнет, — сказал Илька.

— У Генки все равно лучше, — ответил Яшка и плюнул. — Надо Генку позвать. «Кондора» поднимем, тогда этот беляк сразу...

Что такое это «сразу», Яшка сказать не умел. Но он понимал, и другие понимали, что если «Кондор» поднимется выше беляка, все будет в порядке. Илька опять хотел сказать, что Генку он уже позвал, но Шурик перебил:

— Про английский с ним не говорите, когда придет.

— Уже пришел, — хмуро откликнулся Генка.

Никто не заметил, как он оказался рядом: все разглядывали белого змея.

— Извини, я не видел, — спокойно сказал Шурик.

Генка поморщился и резко вскинул плечи. Таких людей, как Шурка, он не понимал. Терпеть не мог он, когда кто-нибудь так легко во все стороны раскидывал свои «извините» и «простите». Ему всегда было мучительно неловко за такого человека. Сам Генка в жизни своей никогда не просил прощения. Сколько раз бывало, что стоял он в учительской и завуч Анна Аркадьевна ждала от него всего четыре коротеньких слова: «Простите, больше не буду». Или даже всего одно слово: «Простите». Но он стоял и молчал, потому что легче было ему выдержать сто разных несчастий, чем выдать это слово...

Генка смотрел на змея, плотно сжав губы. Глаза его сузились и колюче блестели.

— Запустим «Кондора»? — осторожно спросил Яшка.

— Еще чего! — не двигаясь, сказал Генка.

— Ген, давай, а? — запрыгал Илья. — Я сбегая за ним.

Генка промолчал.

Илья перестал прыгать.

— Ну а что делать? — спросил Шурик.

— Сбить.

...Они долго ничего не говорили. Сбить змея — это пиратское дело.

— Все-таки... мы же не голубятники, — нерешительно произнес Шурик.

— А я и не знал, что мы не голубятники, — сказал Генка, продолжая смотреть на змея.

Яшка молчал. У него были свои причины, чтобы молчать.

— Он ведь сам виноват, да, Гена? — заговорил Илья. — Ему сигналили, а он не отвечает. Конечно, надо сбить, наверно.

Шурик задумчиво почесал подбородок.

— Вообще, конечно... Раз он не отвечает...

— Как его достанешь? — глядя в сторону, пробормотал Яшка. — Высотища-то...

— А катапульта? — быстро вмешался Илья.

- Помолчи! — цыкнул Яшка.
- Илька правильно говорит, — заступился Генка.
- Так я и знал! — тихо и печально сказал Воробей. — А мне опять отдуваться, да?

Катапульти недавно отбили у голубятников. Вернее, не отбили, а увели из-под носа.

Это было грозное на вид оружие, слегка похожее на пушку. На колесах от водовозной тележки, с дощатым лафетом, с диванными пружинами и туго закрученными веревками. А вместо ствола торчал гибкий шест с примотанной на конце старой поварешкой. Голубятники полмесяца трудились над страшной машиной и похвалялись, что, когда ее доделают, ни один «конверт» не вернется на землю целым.

Доделать ее они сумели, а выполнить угрозу не смогли. В семь часов вечера пираты-голубятники спрятали катапульти в огороде у Сереги и Витьки Ковалевых. В девять она исчезла. Как это случилось, до сих пор остается тайной. Только Яшка Воробей знает, да Шурик, да Генка. И еще Володька Савин, капитан «Леонардо», и его дружок Игорь Кан, у которого «Пассат». Кроме того, пожалели малыша Ильку и под большим секретом рассказали эту историю ему. Услыхав этот рассказ, Илька даже стонать начал от хохота и, лежа в траве, так дрыгал ногами, будто ему сразу несколько человек щекотали живот холодными пальцами. А потом вдруг замолчал, сел и посмотрел на всех потемневшими глазами. И сказал, что это совсем предательское дело — так к нему относиться. Все всегда про все знают, а ему не говорят. Все всегда делают интересные дела, а его не берут.

Если думают, что он маленький и ничего не может, тогда пусть сами бегают, если надо кого-нибудь куда-нибудь позвать, или что-нибудь узнать, или принести, или еще что-нибудь. А он бегать не обязан.

Ильку хотели успокоить, но он успокаиваться не стал, а поднялся с травы и пошел прочь.

Только он был незлой человек и скоро перестал обижаться. Да и неинтересно было ссориться, потому что на следующее

утро начали испытывать катапульту и предложили Ильке дергать веревку.

Он хорошо дергал, но стреляла катапульта плохо. Не так, как полагалось. Кирпичные обломки летели из привязанной к шесту поварешки не вверх, а низко над землей. Первый врезался в Яшкино крыльцо и оставил на нем оранжевую вмятину. Второй пробил брешь в помидорных кустах. Третий со свистом ушел за забор, и все со страхом ждали, когда там что-нибудь зазвенит или загремит. Но было тихо.

Наконец пришел Шурик, обозвал всех непонятным словом «питекантропы» и занялся катапультой всерьез. Передвинул какую-то палку, покрутил сверху маленькое колесо от детского велосипеда, подумал, покрутил еще и сказал:

- Машина к эксперименту готова.
- Можно стрелять, что ли? — хмуро спросил Генка.
- Да.

Это был первый настоящий выстрел: камень ушел на такую высоту, что сделался как пылинка. Но это был самый несчастный выстрел, потому что камень вернулся. Он упал на старый курятник и пробил фанерную крышу. Кур там не было, но стояли стеклянные банки, которые Яшкина мать берегла для варенья. Уцелели три банки из одиннадцати.

Катапульту успели спрятать за сарай, но Яшку мать все равно поймала, утащила в дом, и оттуда донеслись его завывания.

С тех пор грозная метательная машина стояла без дела. Голубятники узнали, у кого спрятана катапульта, и просили отдать обратно. Обещали, что ни одного змея больше не тронут. Но хозяева «конвертов», даже те, кто слышал о катапульте лишь краем уха, отвечали коротко и одинаково:

- Шиш! Она и нам пригодится.
- Зачем она может понадобиться, никто не знал.
- Но вот пригодилась...

— Ну вас, — ноющим голосом сказал Воробей. — Опять увидит кто-нибудь. Не обрадуемся.

— Зарядим за сараем, — коротко ответил Генка. — Выкатим бегом. Раз — и обратно...

— Ага! Жить надоело? — упирался Яшка. — Заряженную выкатывать, да? Как сорвется да как даст...

— Сам выкачу, — сказал Генка и зашагал к Яшкиной калитке.

Его злая досада теперь получила новое и четкое направление — белый змей. Надо было его сбить: Генке казалось, что от этого станет легче.

— Могут подумать, что мы сбили его, потому что завидуем, — вдруг сказал Шурик, шагая за Генкой. — Лучше бы сначала поднять «Кондора».

— Сначала собьем, потом поднимем «Кондора», — сквозь зубы ответил Генка.

— Но это глупо, — сказал Шурик.

— Не всем быть умными...

Во дворе, за сараем, они разбросали лопухи и куски фанеры, которыми была укрыта катапульта. Генка ухватил конец шеста, отогнул назад и крючком прицепил его к дощатому хвосту. Потом начал вертеть маленькое колесо от детского велосипеда. Шест дрожал. Скрипучие веревки напрягали узлы. Пружины звенели и сжимались.

— Хватит! — жалобно попросил Яшка.

Он почти каждую секунду выглядывал из-за сарая: нет ли кого-нибудь во дворе. Остренький нос его даже вспотел от волнения.

Генка крутил.

— Хватит, — спокойно сказал Шурик.

Генка отпустил колесо.

— Ты бы, Шурка, приготовил нитку. И камень.

— Ну что ж...

Шурик ушел.

— Воробей, открой калитку, — велел Генка.

Яшка на цыпочках побежал к воротам. Генка сказал:

— Илька, в сторону! — И взялся за колесо.

Илька в сторону не пошел. Он взялся за другое колесо. Даже налег животом.

— Кому я говорю! — прикрикнул Генка.

— Ген, — тихо сказал Илька. — Если змея собьем, можно я его себе возьму? А то у всех есть, а у меня нет.

— Ладно, возьмешь. Отойди, а то сорвется...

— Я не боюсь.

Звякнула открытая калитка. Генка толкнул катапульта. Илька тоже толкнул, и она, гудя пружинами, покатила к воротам.

На улице между асфальтовым тротуаром и пыльными кустами желтой акации, которые тянулись вдоль дороги, была травянистая полоса. В одном месте она расширялась в полянку. Там Шурик уложил кругами нить. Вместо камня он привязал к ней мешочек с землей, сделанный из носового платка.

— В целях безопасности, — сказал он. — Вдруг трахнет по чьей-нибудь голове. Конечно, вероятность мала, но все-таки...

Другой конец нитки он прикрепил к акации.

— Ну-ка, пустите. Наведу.

Генка отошел. Тут он не спорил: Шурка лучше всех управлялся с этой штукой.

Яшка все оглядывался. Но улица была пуста.

Шурик, сощурившись, глянул на змея, чуть передвинул катапульта, шевельнул сверху толстый березовый брусок. Положил тугой узелок с землей в поварешку на конце шеста.

Генка стоял, сжав губы, и ждал. Белый змей не двигался в опаленной солнцем высоте. Генка даже себе не хотел признаться, что «Кондор» на эту высоту не поднимется.

— Можно, — сказал Шурик.

— Долетит? — спросил Генка.

— Видимо, да.

— Скорее, — прошептал Яшка.

— Илька, дергай.

Дергать просто так было неинтересно. Илька набрал полную грудь воздуха, важно покачался на тонких ногах, оглядел всех по очереди и басом сказал:

— Огонь!

Удар был крепкий! Шест выбил поперечный брусок и трахнул концом по земле. Катапульта подпрыгнула и опрокину-

лась набок. Брусок, закувыркавшись, улетел на дорогу. Маленькое велосипедное колесо отскочило и, вихляя, катилось по траве.

Но выстрел получился. Нить стремительно вытягивалась в спираль, уходила вверх, вслед за тряпичным снарядом.

— Есть, — очень спокойно сказал Шурик.

Нить катапульти захлестнула нитку змея. «Конверт» качнулся, мотнул хвостом, дернулся, будто хотел сбросить аркан. Но не сбросил и начал медленно падать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда падает сбитый змей, хозяин его не сидит и не смотрит спокойно. Он прыгает с крыши и мчится к месту катастрофы. И очень часто бывает, что мчатся рядом его друзья.

Генка это знал. Но он сказал:

— Пойду один.

— Лучше мы тоже пойдем, — предложил Шурик.

— Я один, — повторил Генка, и скулы у него стали острыми.

Шурик пожал плечами. Если Генка сказал, спорить не стоит, это все знают.

Яшка торопливо собирал разлетевшиеся части катапульти.

Змей упал далеко, где-то на улице Чехова или в переулке Красногвардейцев. Видно, его хозяин тянул нитку изо всех сил.

Генка сунул в карманы кулаки и, не оглянувшись, зашагал по дороге. Илька бросился следом.

— Я с тобой, Ген...

— Не надо, Илька. Помоги Воробью.

Илька отстал.

Генка пересек улицу Чайковского, прошел квартал по Якорной и вышел на улицу Чехова. На душе у Генки было скверно. Сквозь мысли о белом змее, о катапульте, о западных ветрах и тучах все равно пробивались мысли тоскливые и беспокойные: школа... английский... отец... Обида на отца была как тупая, не-

сильная боль. К ней почему-то примешивалась жалость. Генка вдруг подумал, что сейчас отец уже на пароходе. Стоит на палубе, дымит сигаретами, швыряет за борт окурки.

Оставаясь за кормой, они отмечают путь парохода редкими белыми точками...

Чтобы отогнать эти мысли, Генка ускорил шаги. Почти побежал. Ведь хозяин змея тоже, наверно, спешит.

А драки Генка не боялся. Даже хотел драки.

Белого змея он увидел скоро. «Конверт» лежал на упругой зелени заросшего газона. Упал он удачно — нитка пролегла вдоль всей улицы и нигде не зацепила проводов. Длинный мочальный хвост свернулся на траве аккуратным кольцом. Змей словно прилег отдохнуть и поджидал хозяина.

Но хозяина не было. Вообще никого не было, даже случайных прохожих. Лишь через минуту Генка увидел в конце квартала маленькую, словно тушью нарисованную фигурку. Это подходил мальчишка.

Он был в черных тренировочных брюках, в черной футболке, темноволосый и тонкий. И Генка почувствовал, что драки не будет: мальчишка — хлюпик. Связываться смешно. Наверно, третьеклассник какой-нибудь.

А мальчишка шел не спеша, с опущенной головой. Словно что-то искал на дороге. В пальцах его скользила поднятая с земли нитка. Генку он будто не видел.

— Значит, мы не торопимся, — сквозь зубы сказал Генка. — Ну-ну...

Он вытянул вдоль газона хвост змея, прижал его конец подошвой, сел на штaketник и стал ждать. Капитан белого «конверта» явно решил показать свой характер. На Генку он так и не взглянул. Сдернул змея с газона, опустил на колено и стал осторожно ощупывать планки: целы ли? В точности так же, как все змеевики. Словно планки «конверта» могли болеть, как живые тонкие кости.

Змей оказался цел. Мальчишка оборвал нитку и резко встал с «конвертом» в руках. Хвост натянулся, треснула дранка, бумага лопнула, и белый квадрат змея развалился на две части.

Генка вскочил. Это было слишком! Можно показывать характер, конечно! Можно не смотреть на человека, если даже он сидит рядом на штатетнике напряженный, как готовая к драке кошка! Все это можно. Еще секунду назад Генка чувствовал даже что-то вроде уважения к этому мальчишке: не боится, выдерживает характер. Но гробить такого змея ради своего упрямства!..

— Ты что, взбесился? — с тихой яростью сказал Генка. — Не видишь, да? Не видишь, что я... держу!

Мальчишка выпрямился и прижал порванного змея к груди. На секунду лицо его сделалось растерянным. Он вскинул глаза и взглянул куда-то сквозь Генку. Но тут же снова стал спокоен. Опустил голову, отбросил змея. Сказал тихо и жестко:

— Не вижу. Ну и что?

Генка почувствовал, будто кто-то крепкой рукой ухватил его за волосы и с размаху макнул лицом в крутой кипяток. Даже в ушах зазвенело, и отчаянно, как от едкого мыла, защепаало в глазах. И впервые в жизни, хрипло и неумело, Генка проговорил:

— Извини.

...Ребята сидели на двухскатной крыше Яшкиного дома. Шурик и Яшка устроились пониже — у самой лестницы — на тот случай, если во дворе появится грозная Воробеиха, Яшкина мать. А Илька, маленький и верткий, добрался до гребня и лег в тени трубы. Он был там почти незаметен: Илькины загорелые ноги и спина оказались почти такими же коричневыми, как железная крыша. И старенькие вельветовые штаны были тоже коричневые. А клетчато-зеленую рубашку Илька снял и подстелил под себя, чтобы не расцарапать о шершавые кровельные листы живот и колени.

С заречной стороны, из-за туманной лесной полосы, двигался ровный ветер. Лохматил волосы мальчишек, покачивал в небе пестрые «конверты», гнал круглые облака, похожие на белый дым от выстрелов старинных корабельных пушек. Облака не задевали солнца, и оно плавилось в синеве, все еще полетному теплое и высокое.

Крыша пахла нагретым железом, ржавчиной и пылью. Многим этот запах кажется неприятным. Тем, кто не понимает. А для мальчишек это запах высоты. Он связан с волнением первого запуска, когда нитка начинает ровно и быстро скользить в пальцах и вздрагивать, как живой нерв, который передает тебе силу и стремительность высоких ветров. А змей уходит, уходит в высоту. Еще не веришь в такую удачу, а он уже совсем маленький, как почтовая марка. Послушный тебе и ветру...

Но сейчас у них не было змея. Ребята сидели просто так. Ждали Генку. Ждали долго, и уже появились нетерпение и беспокойство. И будь это не Генка, а другой, они давно бы уже созвали ватагу и помчались следом. На выручку. Но Генка этого не потерпит. Раз уж сказал: «Пойду один», будет один до конца и за помощь спасибо не скажет, пусть его там хоть убивают...

— Идет! — возвестил с гребня Илька. И добавил потише: — Только без змея.

Генка вскарабкался по лестнице, шагнул, грохнув железом, к ребятам, сел рядом. Но ничего не сказал. Сидел и смотрел куда-то в сторону, и было у него такое лицо, будто хочет он что-то рассказать, но не решается и поэтому злится на себя и на других. А другие ни о чем его не спрашивали. Если Генка молчит вот так, сердито, лучше его не спрашивать.

Илька первый не выдержал:

— Ген, ты подрался?

Генка молчал.

— Подрался, да?

— Сиди уж... «подрался»! — Генка говорил недовольным, но не злым голосом. — Делать мне больше нечего, как драться...

— Не нашел змея, да?

— Нашел.

Снова наступило молчание. И в этом молчании вдруг четко прозвучали два Илькиных слова:

— Эх ты!

Генка шевельнулся:

— Чего «эх»?

СОДЕРЖАНИЕ

ТА СТОРОНА, ГДЕ ВЕТЕР

Часть первая. Август 7

Часть вторая. Люди с фрегата «Африка» 106

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ БРАТА 241

ТРОЕ С ПЛОЩАДИ КАРРОНАД

Часть первая. Новэмбэр Чарли 409

Часть вторая. Тимсель — оранжевый парус 491

Часть третья. Цепь 562

Крапивин В.

К 77 Малое собрание сочинений / Владислав Крапивин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 640 с.

ISBN 978-5-389-16038-5

Трудно выбрать из множества замечательных произведений Владислава Крапивина самое-самое, практически невозможно. Тем более что ограничивает объем. Включишь в книгу одно, а читатели-почитатели спросят: почему не вошло вот это? Поэтому составителю приходится действовать на собственный страх и риск, и выбор может не соответствовать вкусу кого-нибудь из читателей.

В сборник вошли три повести, на наш субъективный взгляд вобравшие в себя все то главное, чем берет писатель Крапивин: «Та сторона, где ветер», «Колыбельная для брата», «Трое с площади Карронад».

Повести вроде бы о подростках, но процитируем одну важную, хотя с виду и банальную мысль: «Детская литература, не детская — если ты хороший писатель, то пишешь без оглядки на возраст. Не дело, как говорил мудрец, лысому усатому дядьке писать, сидя на корточках, чтобы свой динозаврий возраст подлаживать под возраст подростка. Писать нужно вне возраста и размера шляпы. Только такая литература останется в читательском космосе».

Утверждаем: проза Владислава Крапивина в читательском космосе остается. В большом читательском космосе. Потому что проза Крапивина (извините, еще цитата): «Настоящий учебник жизни. А написано это так, что каждый раз читаешь как будто бы в первый раз».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ВЛАДИСЛАВ ПЕТРОВИЧ КРАПИВИН
МАЛОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.01.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 40. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-AMS-24459-01-R